

П

алиндромы знакомы нам с детства. Правда, твердя занятные прибаутки типа «А роза упала на лапу Азора», мало кто представляет, что причастен к словесной игре, известной еще древнегреческим поэтам. «Палиндром» на языке древней Элады — это «палин» (назад) и «дромос» (бег), то есть буквально «читай и возвращайся».

Фразами-перевертышами увлекались издавна и на Руси. Из старославянских повествований ученые-лингвисты извлекли необычное заклинание: «Уведи у вора корову и деву...» Читай вперед, проговори назад, чтобы возмездие покாரало супостата-кочевника, разорившего дом и семью. Языковеды и историки расшифровали и двойной смысл расхожего скоморошьего перевертня из ордынских времен. «На в лоб, болван!» — кричали уличные артисты, затевая потешные бои. А народу было ясно, куда на самом деле метил православный человек. Болванами называли татар не только за бритые головы, но и за неумение пахать и сеять, что и было причиной их набегов на русские хлебосольные веси. В старинных книгах XVII века лейтмотивом звучит горделивое осознание, что Родина-Отчизна становится «аки лев велика».

Стало быть, палиндром можно воспринимать не только как словесный фокус, но и как плод оригинального и вполне серьезно-го поэтического самовыражения. Ведь не случайно еще старик Державин приметил и,

жонглируя словами, воздал русскому палиндрому должное:

Я разуму заря,
Я иду с мечем судия...
С начала тот же, что с конца
И всеми чтуся за отца.

Впрочем, справедливости ради признаем, что в поэтической многожанровой семье он, этот отец-перевертень, все же чувствовал себя веселым, необычным, ироничным, но одиноким старичком, подзабытым на пиру своих удачливых и разгулявшихся детей. Может, к тому причастны и сами творцы, многие из которых считали свое увлечение своеобразной поэтической гимнастикой, затейливой игрой нашего «великого, могучего, правдивого и свободного» языка. Так или иначе, но лишь на рубеже 2000 годов в Москве впервые была издана «Антология русского палиндрома».

Припомнилась эта книга по случаю. Среди 180 поэтов, усердно ладивших двухконечные строчки, особо выделен один — тамбовчанин Николай Иванович Ладыгин. Именно его авторы-составители назвали классиком русского палиндрома. Вспомнил об этом и Тамбов, отметивший в 2003 году столетний юбилей земляка-палиндромщика, да и в другие «круглые» годовщины его не забывавший.

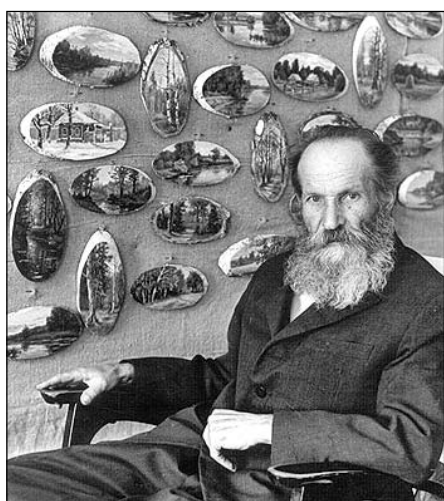
Конечно, у любого таланта — особое долголетие. И хотя Николая Ивановича нет уже немало лет, услужливая память многих

людям хранит его имя. Доброго человека все так же почитают многие воспитанники местного детдома, для которых он был не просто учителем, но отцом. Не случайно один из них, Константин Стегачев, став успешным предпринимателем, вместе с сыновьями Ладыгина издал в Москве первую книгу воспитателя.

А художники считают его своим кумиром. Давным-давно он изобрел модный нынче жанр пейзажной живописи на деревянных срезах. Но и при этом его творческий порыв был симптоматичным. В те годы высотные микрорайоны стремительно росли на окраинах города, сметая живописные березовые перелески. Мало кто обращал тогда внимание на экологические протесты горожан. Ладыгин не только бунтовал, но будто бы дал поверженным деревьям новую жизнь. Множество его картин-пейзажей на березовых срезах и сейчас экспонируются на выставках, словно предостережение, что эта красота хрупка и беззащитна, но столь же уязвим и опустошающий человеческий прагматизм.

Может быть, поэтому он никогда не умел быть прагматиком. Писал хорошие лирические стихи, но в отличие от доморощенных графоманов никогда не брал приступом областные или районные редакции. Проникновенные вирши и картины Николай Иванович дарил друзьям, знакомым и гостям, которые вечно толпились в его старинном бревенчатом доме, распивали чай и просто общались. Наверное, в каждом провинциальном городке есть чудакоты талантливые люди, ставшие такой же естественной местной особенностью, как река или семь холмов.

У Ладыгина непременно бывали заезжие знаменитости, столичные литераторы и языковеды. Он неожиданно прославился в богемных кругах философско-лирическими палиндромами, подборки которых в 60-х годах прошлого века охотно публиковали центральные газеты. К столетию Ладыгина эти россыпи собрали и издали сборником в Тамбове. Пожалуй, это был наиболее достойный и уместный способ отметить юбилей оригинального поэта. В афористичных строчках — его жизнь как на ладони. «Силы мои омылись», — этот перевертыш, видать, о

Николай Иванович Ладыгин

собственном творческом перевороте. Живет в них и ирония к человеческим страстям: «Кумир — беда, дебри мук», и тонкий лиризм: «Весна — реверанс Еву». Он умел осмыслить исторический тупик Наполеона:

И обуло Галла голубой
Пеленой. О, нелеп
Дел след.
А был — глыба...

По затейливым виршам проходит и непростой круг собственной ладыгинской биографии, когда он железнодорожным техником-изыскателем исходил в тридцатые годы многие промозглые версты северных дорог:

Гололедом одело лог,
Тумана муть.
Город утоп в поту дорог,
Тупого путь...

Конечно, к поэтическим изысканиям тамбовского уникама относились по-разному. Баловство, фиглярство — пренебрежительно пожимали плечами одни. Специалисты-литературоведы восхищались, подчеркивая, что «это поэт, отмеченный величайшей способностью...»

Классик русского палиндрома не впадал от этих оценок ни в драму, ни в бахвальство. Его волновало нечто большее. Об этом он и писал: «Лад и мир прими, даль...». Может быть, поэтому спустя десятилетия его строчки вернулись в наше беспокойное время.